

души: "... Славы хочешь? - у меня / Попроси тогда совета, / Только это -. западня, / Где ни радости, ни света ...".

Итак, две стилевые линии поэзии Ахматовой оказываются в "Белой стае" одинаково сильными, именно на стыке этих двух закономерностей и рождается ахматовская поэзия данного периода, преобразуясь, но оставаясь в основе своей очень определенной и узнаваемой.

М. Ю. Трубицына
Череповец

ЛОГИКА ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ И. С. ШМЕЛЕВА

В ходе дискуссий о литературе русского зарубежья современная критика решает проблему ее единства с общерусским процессом. Основу такой целостности можно обнаружить в сохранении православного подтекста двух временно разведенных потоков русской словесности. Один из известных критиков изгнания Г. В. Адамович подчеркивал, что "эмигрантская литература сделала свое дело потому, что осталась литературой христианской".

В контексте такого понимания преодолевается искусственно возникшая разделенность на два периода творческого наследия выдающегося православного писателя зарубежной России - И. С. Шмелева. Анализ художественного мира Шмелева показал, что в эмиграции развиваются те тенденции, которые, как еще не проросшее зерно, заложены в дореволюционных книгах: рассказах "Гражданин Уклейкин" (1907), "Пугливая тишина" (1912), "По приходу" (1913), "Карусель" (1914), "Лихорадка" (1915), повестях "Человек из ресторана" (1911), "На расстанях" (1913). В первых литературных опытах и в эмигрантских произведениях функционируют повторяющиеся, сквозные образы-элементы лексико-семантической оппозиции: "свет-тьма", "радость-уныние", "связанность со всем-разобщенность", "движение-блуждание".

Для иллюстрации онтологического единства философско-эстетических установок "раннего" и "позднего" Шмелева обратимся к анализу рассказов "По приходу" (1913) и "Карусель" (1914). Действие рассказа "По приходу" охватывает один день - первый день Рождества, когда по сложившейся церковной традиции священник ходит "славить"; в сопровождении дьякона, псаломщика, просвирни посещает дома прихожан с пением рождественского тропаря: "Рождество Твое, Христе Боже наш воссия миру Свет Разума..." Рождество Христово - день,

когда играет и радуется вся природа родившемуся в Вифлееме Богомладенцу: "... за окном веселый солнечный свет - праздничный свет морозного утра". Такая же радостная атмосфера в церкви после службы: "Сторож запирает тяжелые двери, за которыми остается в храме светлая тишина праздника". В описании Рождества в "Лете Господнем" (1934-1944) также будут доминировать два цвета: золотой и голубой, которые меняют свои оттенки по мере движения солнца: "Синеватый рассвет белеет. /.../Плавают гул церковный, и в этом морозном гуле шаром всплывает солнце. Пламенное оно, густое, больше обыкновенного: солнце на Рождество. Выплывает огнем за садом. Сад в глубоком снегу, светлеет, голубеет. Вот побежало по верхушкам; иней зарозовел; розово зачернелись галочки, проснулись; брызнуло розовой пылью, березы позлатились, и огненно-золотые пятна пали на снег белый. Вот оно, утро Праздника, - Рождество". Действительно, солнце на Рождество особенное, так как 25 декабря - день зимнего солнцестояния, когда православие призывает поклоняться Иисусу Христу, как истинному "Солнцу Правды", которому служат небесные светила. Именно поэтому и солнце в "Лете Господнем" движется, как бы подчиняясь ударам церковного колокола, и своим пламенным, необыкновенным видом прославляет Христа словами церковной песни: "Христос рождается - славите! Христос с небес - срящите!" Таким образом, эскиз с реально-бытовыми, "календарными" чертами праздника развертывается в сознании писателя в полноценную картину, художественные детали которой содержат отчетливый богословский подтекст православного торжества.

В рассказе "Карусель" будничной суетливости одного дня человеческой жизни противопоставлен покой, исходящий от Всевидящего Ока в золотом треугольнике над входом в церковь. Образ Ока - символ всемогущества Бога Отца, Вседержителя и Промыслителя. Голос автора передает состояние ожидания "неведомого, радостного несказанно", которое должно предвидеть Всевидящее Око. Шмелев писал сыну о "Карусели" в ноябре 1915 года: "... отзыв о моей "Карусели". Мои маленькие бытовые рассказы (я это и раньше знал) трактуют о вечном, захватывают всю душу читателя и заставляют думать!" Святое Око не просто воспринимает падающие на него солнечные лучи, но и является и источником, и воплощением тихого Вечернего Света: "Падает золотой вечер. Церковь теперь другая - розовая, легкая теплая. Треугольник в золотом блеске, и в нем невидное теперь в блеске Святое Око - тихий Вечерний Свет. (выделено мной - М.Т.)" Шмелев маркирует выделенное выражение употреблением

прописной буквы, подчеркивая этим его отнесенность к миру божественному.

Предикат взят из древнейшего христианского гимна "Свете тихий", который поется на вечернем богослужении: "Свете тихий святые славы, Бессмертного, Отца Небесного, Святого Блаженного, Иисусе Христе! Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний... (выделено мной - М.Т.)". Данный гимн знаменует чувство радостного ожидания Спасителя, который просветит сердца людей. Образ углубляется, онтологизируется, в произведение иносказательно вводится вторая ипостась Святой Троицы - Сын Божий. Можно сравнить использование этой фразы с функциями аналогичных деталей описаний пейзажа или интерьера в других текстах. Например: "В комнате было вечернее солнце, и играл на обоях зайчик. Этот вечерний свет был знакомый, предпраздничный свет весеннего вечера".

И. Тюрина
Томск

ОБРАЗ ОРФЕЯ В ДИОНИСИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ВЯЧ. ИВАНОВА

(статья "Орфей растерзанный" из сборника "Прозрачность")

Бог Дионис в "прозрачности" предстает как символический образ, выполняющий несвойственную для классического бога Диониса функцию покровительства поэту. Бог Дионис для Вяч. Иванова - главенствующая фигура творческого процесса, потому что поэт призван не только творить гармонию, не только взывать к жизни тайное тайных человека, но он сам должен пройти жертвеннический путь в создании своего творения. В этом и заключается основная идея стихотворения "Орфей растерзанный". В канонический сюжет о смерти Орфея, растерзанного менадами, Вяч. Иванов вводит своеобразную прамбулу гибели Орфея и тем самым переосмысливает его смерть.

В античном мире Орфей олицетворяет собой совершенство искусства как гармонизирующего начала. У Вяч. Иванова подчеркнута чудесная сила "напевов" Орфея: "Вомните, девы, ночного моря, / Мои напевы! Творите строй!...". Орфей-художник у Иванова осознает свою силу, дающую власть над Хаосом и возможность превратить его в Свет. Важно подчеркнуть решимость Орфея следовать по выбранному пути до конца. Для него важно не просто осветить и освятить носителей "смуты и стонов", "Хаоса души" - Океаниды, но преобразовать Хаос как негативное бытийное начало. Поставленная задача гораздо масштабнее